

АРНОЛЬД ГИЛЛИН

СИНГ - СИНГ

Арнольд Гиллин

СИНГ-СИНГ

«Public Domain»

1885

Гиллин А. Л.

Синг-Синг / А. Л. Гиллин — «Public Domain», 1885

Оригинальный роман из американской жизни.

© Гиллин А. Л., 1885

© Public Domain, 1885

Содержание

I. «Дом вечного молчания».	5
II. Гость № 36	10
III. На могиле Индийца	16
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Арнольд Гиллин
Синг-Синг
(Дом вечного молчания)
Оригинальный роман из
американской жизни¹

І. «Дом вечного молчания».

*Roses hare thorns, and silver fountains mud,
Clouds and eclipses stain both moon and sun,
And loathsome canker lives in sweetest bud,
All men make faults...*

Shakespeare, Sonnets, XXXV.

Прохожий по большой дороге в маленький, чистенький городок Синг-Гилл испытывает весьма странное, щемящее впечатление близ тюрьмы Синг-Синг, в мрачных стенах которой томятся «жертвы» преступных страстей и сурового попечительства неумолимой американской Фемиды. Тюрьма Синг-Синг расположена весьма живописно, на правом берегу прекрасной и широкой реки Гудзон, на небольшой горе Плизент, в тридцати трех милях от Нью-Йорка. Странная ирония случая! Эта мрачно величественная тюрьма красуется среди самой роскошной природы и так-сказать в райском уголке Нью-Йоркского залива, который оканчивается чудным устьем Гудзона. Какою прелестью дышат берега этой реки, над которой высится Маунт-Плизент! Зеленые поля и лесистые холмы веселят взор своею мирною красотой и затишьем, обрамляя темно-лазуревые извивы Гудзона, по которым мчатся и колышутся огромные речные пароходы, барки, яхты, шлюпки, челноки и утлые лодочки. Виды со скалистых прибрежных холмов, а в особенности с западной стороны так очаровательны что их трудно описать пером. По холмам раскинулись густо-населенные колонии дачников или обывателей из приречных городков в роде Синг-Гилла. И среди всего этого высится колоссальная тюрьма невольно напоминающая пролог, где среди сонма лучезарных серафимов и херувимов виднеется мрачный облик духа тьмы. Название тюрьмы Синг-Синг на языке краснокожего племени Апачей значит *Крепкое место*. Ни один белый не сумел бы кажется найти более подходящего названия для этой тюрьмы. Прибавьте к этому прозвище *Дом вечного молчания*, и вы легко поймете что это за здание которое так бросается в глаза путнику. Тут же тянется знаменитый Кротонский водопровод, который снабжает водой столицу. Сооружение его обошлось в 14 миллионов долларов и длилось, если не ошибаюсь, что-то около семи-восьми лет. Croton-Aqueduct существует с 1842 года и наравне с тюрьмой Синг-Синг есть одно из величайших архитектурных чудес заатлантической республики. Счастливые обыватели крошечного города Синг-Гилл не нахвалятся им. Водопровод сослужил большую службу Американскому правительству и правосудию. Чем? спросят быть-может читатели. А тем что его «паровые бассейны» в миг потушили пожар 1866 года, грозивший истребить тюрьму Синг-Синг, которая в то время не была так огнеупорна как в настоящее время.

Тюрьма расположена в трех четвертях мили от города Синг-Гилла. Здание её имеет форму трапеции. Главнейшие постройки «Крепкого места» возведены осужденными каторж-

никами; материалы, мрамор, гранит и известняк, дала окрестность. Главная одиночная тюрьма – в пять этажей кроме подвальных помещений; длина этого здания 484 фута, ширина 44 фута. Окончено оно постройкой в 1852 году, и уже в то время в нем было 869 заключенным, а в 1861 году число их возросло до 1.800 человек.

В течение последних 20-25 лет тюрьма Синг-Синг все расширялась, так как правительство штата Нью-Йорк то и дело сооружало новые тюремные здания, корпуса, флигеля и службы, а также и мастерские, которые представляют нечто интересное и грандиозное для европейского любознательного туриста. Женское отделение расположено на расстоянии 40 сажен от мужского. Все постройки занимают площадь во 180 акров. Тюрьму сторожат часовые. Мимо тюрьмы несутся взад и вперед поезда железнодорожных линий. Большая дорога тянется вдоль реки Гудзона, которая в свою очередь протекает близь полотна Гудзон-Риверской железной дороги, соединяющей Нью-Йорк с Альбани. В одной мили от тюрьмы устроена небольшая платформа, на которую с поездов два раза в месяц высаживаются целые «транспорты» тех кому по воле рока суждено умножать собою молчаливое население «Крепкого места».

Обыватели Синг-Синга называются не арестантами или преступниками, а *гостями*, такое название дано затворникам *Дома вечно молчания* сторожами тюрьмы; сами затворники называют тюрьму гостиницей Синг-Синг (Hotel Sing-Sing)! Название это весьма распространено между различными темными деятелями Нью-Йорка, которые обыкновенно говорят после своего осуждения родственникам и друзьям: «Ну, до свидания! Захотите повидать меня, адрес мой теперь гостиница Синг-Синг». Нью-Йоркские мошенники, гроза банков и магазинов, карманщики, воры вообще и loafet'ы (ворующие бродяги) на вопрос: куда мол девался Big Joe (дылда Иосиф), alias Уильямс или French Harry (Француз Гарри),² отвечают что тот или другой *гостит в Синг-Синге*. Когда же освобожденный рецидивист наталкивается на знакомого среди нью-йоркской уличной толпы и тот из любопытства опросит: «Дружище, где ты пропал?» то пресерьозно отвечает: «я опять, знаешь, был в гостях... на даче в Синг-Синге».

Мрачные, массивные, гранитные стены тюрьмы пропитаны космополитическими миазмами порока и ужасных преступлений. Здесь заключено несколько тысяч человек в строжайшем *одиночном* заключении. В каждой келье содержатся более или менее «знаменитость» своего рода, «герой» давно впрочем забытых эпопей, которые когда-то удивляла «весь свет» и давали столько работы: сыщикам, полиции, судебным следователям, прокурорам, судьям, адвокатам и неизбежным репортерам огромных газетных простынь в больших городах Союза. В этих кельях или гранитных могилах (toombs)³ дышат тюремным воздухом множество осужденных американских граждан и пришлецов со всех концов мира, а большею частью эмигрантов из Старого Света. Главные элементы многотысячной толпы каторжников всех трех разрядов составлены большею частью из пришлого эмиграционного элемента американского общества, как-то: Англичан, Шотландцев, Ирландцев, Немцев, Французов, Итальянцев, Шведов и Испанцев. Наибольший контингент преступников набербован из Англичан и Ирландцев. Бывали случаи когда в Синг-Синге *гостили* и Русские: так, например, некий *Воскресенский* отсидел десять лет в «Крепком месте» за разные мошенничества и за фабрикацию фальшивых ассигнаций Союза. Сколько мне известно, этот Воскресенский был не кто иной как сильно компрометированный русский анархист из Москвы, бежавший из Сибири в конце шестидесятых годов. С ним же сидел другой «Русский» из петербургских Немцев под вымышленную фамилией «Кап», за сбыт фальшивых гринбаков в Нью-Йорке, где Воскресенский фабриковал их. «Кап» был приговорен к пяти летней каторге. В Петербурге он был учеником, а потом прикащиком в одном из погребов известного виноторговца-Немца Ш. «Кап» попал в компанию архиплута Воскресенского, и несмотря на свою молодость (ему было не более 24 лет), был

² Известные грабители банков и карманщики в Нью-Йорке.

³ Так называются кельи заключенными.

уже совершенно испорчен когда его приговорили к каторге. Воскресенскому было около 30 лет. Кровавый Американец и Эмигрант-Европеец одинаково пользуются теми условными удобствами которые продиктованы суровым законом страны для заключенных в ужасном «Доме вечного молчания».

Мертвая тишина, железные массивные решетки, чудовищные болты, секретные замки и двери с крошечными окошечками в виде овала, косоугольного квадратика или сердца, огромные засовы и перекладки как нельзя лучше напоминают узнику Синг-Синга что его счета с жизнью временно закончены, а *итог* его счета с карающим людским обществом зачастую подводится лишь когда заключенный испустит последний вздох в этой «неудавшейся» жизни. Удивительно ли что смерть для большинства узников Синг-Синга является настоящим избавителем и искуплением их страданий и преступлений? Могущественный хаотический поток общественной жизни вне тюрьмы и однообразный до умоизступления быт гостей «Крепкого места», вот контраст который охватывает душу узника в тот момент когда он переступил порог этого ужасного капища молчания и почти сразу погружает ее в специфическую апатию. Действует ли душа в теле каторжника? Без сомнения, но не вполне. Душа его дремлет и ждет того мига когда наступает освобождение или последний расчет с жизнью... Ужасен должен быть *такой* конец когда человек годами забывает в тюремном полумраке о том что у него когда-то было начало, – начало свободной и незапятнанной гражданской жизни. Но и здесь, в холодных и безмолвных стенах «Дома вечного молчания», узники-каторжники лелеют пышный и никогда не увядающий цветок души – надежду. В своем убийственном и молчаливом одиночестве, когда все *живые на свободе* забыли гостя-узника «Крепкого места», за исключением разве сторожа в том тюремном коридоре где помещается могила-келья живого гражданского трупа под известным номером, да быть-может матери преступника, которая где-ни будь вдалеке вспоминает о нем со слезой или с проклятием, – и тогда этот отверженный, мнимый гением надежды, чувствует что и он живет, дышит и имеет неотъемлемое право сказать себе и стенам кельи:

– *И я человеку...*

Кто из нас дерзнет отнять у *такого* потерянного ближнего его заветную мечту? В душе узника неизгладимо врезались знаки начертанные богиней правосудия и жрецами сурового храма её. Что это за знаки? Это *срок* его заточения... Узник ежедневно и ежечасно шепчет себе:

– Терпи, ведь тебе осталось недолго!

А это *недолго* длится иногда пять, десять, пятнадцать, двадцать и двадцать пять лет!

Двадцать пять лет одиночного заключения, – и все еще мечтать о свободе! Это ли не химера, это ли не детская игра в серьез, это ли не умопомешательство? Тем не менее узники-ветераны Синг-Синга мечтают... и только тот из них не мечтает кто приговорен к «вечному» или, вернее, пожизненному заключению!.. Но и эта жертва злого рока и своей злой воли надеется, хотя в этом случае надежда покоится на двух весьма шатких устоях: на *помиловании* или *побеге*... Помилование в том случае если преступник, укротив самого себя, старается безропотно нести тяжелое бремя пожизненного заточения в утлой надежде что вот-вот и для него блеснет луч милосердия, то-есть сокращение срока. Но, увы! таких счастливых было и будет немного! Вот надежда на удачный побег, та постоянно культивируется в душе узников-гостей «Крепкого места», хотя зачастую таковые или подвергаются заточению накрепко (когда тюремные сторожа открывают или находят следы предполагаемого побега) или не видя возможности побега с отчаяния лишают себя жалкой жизни при удобных случаях. Но такие удобные случаи бывают весьма редко, так как начальство Синг-Синга взяло за правило и в привычку охранять не только персону своего «гостя», но и тусклое пламя его каторжной жизни. Если в течение десяти лет удастся хоть одно самоубийство или побег, администрация Синг-Синга подвергается строжайшему дисциплинарному взысканию от правительства. Штат служащих и вообще вся администрация тюрьмы составлены согласно цели которой должна служить в *принципе* и на *практике* эта замечательная тюрьма на *пользу* и *страх* американского общества.

Легче попасть «гостем» в Синг-Синг чем сделаться членом его администрации или служебного штата, так как правительство крайне щепетильно в выборе людей.

Правительство требует чтобы тюремщики зорко охраняли этот живой товар и поставило им в обязанность чтоб этот драгоценный для земного правосудия, клейменный, нумерованный «товар» ни в каком случае не подвергался порче... Оно старается откармливать своих тюремных нахлебников в этой образцовой тюрьме и все только для того чтоб угодить американской Фемиде, которая, надо полагать, не терпит чтобы питомцы-каторжники нарушали программу закона и раньше положенного *срока* отправлялись туда куда мы все, свободные и несвободные граждане американского отечества, должны будем отправиться, несмотря на все протесты и фокусы наших шарлатанствующих и не шарлатанствующих последователей Эскулапа. Когда Синг-Синг теряет жильца-нахлебника по какой-либо причине ранее срока, бдительное начальство тюрьмы огорчается так же сильно как иной нью-йоркский волокита которому не удалась любовная шашня или вампир-ростовщик у которого внезапно умирает доходный клиент-векселедатель. Чистота и опрятность в Синг-Синге изумительны, а также вентиляция и дезинфекция, без которых немислимо было бы сохранить драгоценный живой товар тюрьмы.

Вообще же это депо каторжников представляет драгоценный источник не только для ученых тюремоведов, но и для психиатров, которые могут черпать обильные материалы для исследований быта и жизни заключенных, над которыми тяготеет исправительная система упорного систематического молчания. Система эта выработана и *улучшается* ежегодно до мельчайших подробностей и основывается не столько на *теории* сколько на *практике*, Синг-Синг послужил образцом при введении подобной системы и в других тюрьмах республики, хотя и не в такой резкой форме.

«Гости» Синг-Сингского «отеля» не имеют права *говорить* и, раз переступив порог «Крепкого места», обречены на долгое молчание, что для многих каторжников кажется вечным молчанием... Бывали примеры что осужденный на срок от 5 до 25 лет, выходя из этой могилы тюрьмы, был в состоянии дать отчет о количестве тех слов которые были им произнесены в продолжение заключения. Гениальная фантазия Данта ужасающими красками рисуют мрак и ужасы «Ада»; но включи Дант в свою поэму описание Синг-Сингского узника, страшная картина людских страданий была бы еще полнее.

Мущины-каторжники вероятно легче переносят кару молчать и не слышать ни одного звука человеческого голоса; но как тяжело приходится это «вечное» молчание женщинам-«гостям» Синг-Сингского отеля, это могут только сама они описать. Свободная женщина ни за что не согласится промолчать хотя бы час в течение суток, а тут правосудие требует чтоб Американки (которые любят почесать язычек не менее европейских женщин) не употребляли одного из своих лучших наступательных и оборонительных орудий, которым их так щедро наградила природа.

Впрочем, начальство тюрьмы Синг-Синга не так жестоко обходится с женским элементом «Крепкого места», так как женщинам-узницам даны некоторые льготы, а главное, большинство заключенных женщин не содержатся в абсолютном одиночном заключении. Они сходятся вместе или вернее партиями на работы. Только тяжкия преступницы содержатся в одиночных камерах. Мущинам-каторжникам живется в Синг-Синге куда тяжелее чем «счастливым» дочерям первой грешницы. Надзиратели и сторожа тюрьмы *обязаны* быть если не жестокими, то очень строгими и недоступными к таким просьбам или требованиям которые ни в каком случае не могут быть удовлетворены.

Начальство тюрьмы не балует заключенных и частыми дозволениями свидания с родными и знакомыми. Те же заключенные у которых нет родни принуждены молчать в полном одиночестве. Редко с ними разговаривают сторожа (и то в крайних необходимых случаях), врачи и духовник-настоятель тюремной часовни.

При вступлении каждого невольного «гостя» в тюрьму ему вручается Евангелие, альманах и печатные правила тюрьмы: в последнем издании каторжник знакомится с теми параграфами дисциплинарного устава которые учат его как следует *жить* и *вести себя* в «Доме вечного молчания». В известные сроки и дни гостям (и то лишь отличающимся примерным поведением) раздается бумага, конверты, перо и чернила чтоб они могли писать родным... только близким кровным родственникам. Письма эти, понятно, проходят особую инстанцию тюремной цензуры, инспекторского надзора. Все домашние необходимые черные работы исполняются каторжниками поочередно. Никто по принципу не избавляется от физического труда; даже и слабые преступники, неспособные к тяжелому каторжному труду, вынуждены ежедневно исполнять легкая подходящие работы. Не работой такой слабосильный узник, ему пришлось бы не долго сохранить свои умственные способности. Труд развлекает арестантов, заставляет их временно забываться и привыкать к подобной жизни, строгим порядкам и оригинальному быту среди могильной тишины. В начале, когда каторжник только-что вступил в тюрьму и его приучают к ремеслу, он имеет случай поговорит с тем мастером-ремесленником который обучает его. Но мастера эти так выдрессированы сами что редко обращаются с вопросами к своим ученикам, и если что объясняют, то коротко и сжато насколько это необходимо в виду практической цели: быстро заставить ученика понять то что следует безо всяких лишних словоизвержений и болтовни. Как радуются за то каторжники когда наступает воскресенье и их ведут *гуськом* в церковь и часовню. Там они по крайней мере слышат слова проповеди пастора, а также дружное пение под орган всех заключенных, которые войдя, в церковь занимают каждый свое место. Места закрытые, так что ни один каторжник не видит другого.

Статистика и время доказали что немногие бывшие каторжники-пансионеры этой тюрьмы попадали в нее вторично... Видно по всему что *первый курс* каждого бывшего «гостя» Синг-Сингской гостиницы вполне отрезвлял многих преступников. Но бывали конечно и такие случаи когда озлобленные до мозга костей и в корень испорченные преступники возвращались в «Дом вечного молчания» и, надо сказать, прехладнокровно и без страха. Но с тем уже чтобы *никогда* не выходить оттуда.

II. Гость № 36

В просторной и светлой инспекторской комнате тюрьмы Синг-Синг, за письменным столом сидел в удобном кожаном кресле мужчина лет шестидесяти, выше среднего роста, с сериозным худошавым лицом, которое было украшено большою черною бородой с сильною проседью. Это был инспектор «Дома вечного молчания,» отставной полковник Эльстон. Пред ним на столе лежал разграфленный лист, на котором крупным красивым почерком были написаны разные отрывочные слова и цифры. Насупив густые брови и поглаживая левою рукой красивую бороду, инспектор взял красный карандаш и черкнул раза два по одной из многочисленных цифр которые красовались на бумаге. Цифра эта была 36. Посмотрев на большие стенные часы системы Waltham, мистер Эльстон протянул руку к электрическому звонку, приделанному к столу. Прошла минута, и в инспекторскую комнату вошел один из приставов (usher) тюрьмы или вернее главной центральной «станции» Синг-Синга.

Инспектор обратился к вошедшему со словами:

– В шесть часов и восемнадцать минут пополудни истекает срок номеру тридцать шестому; сегодня исполнилось ровно двадцать лет с того времени как он был водворен к нам в качестве гостя. Поручаю вам, Логан, сообщить номеру тридцать шестому что он свободен; впрочем, он наверно и сам знает что сегодня наступил день его освобождения. Идите и приведите № 36 ко мне ровно чрез час, то-есть в три часа.

– Будет исполнено, сэръ, отозвался Логан, один из старейших приставов тюрьмы.

– Велите клерку гардеробного отделения приготовить одежду № 36, а казначею скажите чтоб он к трем часам свел счет свободного гостя и вручил мне его сбережения.

По уходе Логана, инспектор тюрьмы подошел к большому шкафу; выдвинув один из боковых ящиков, над которым красовалась буква М, он вынул оттуда небольшой пакет и положил его на письменный стол. Стенные часы пробили два. День был воскресный, и по всей тюрьме господствовала необыкновенная тишина, так как в этот Божий день каторжникам дается полнейший отдых. Сторожа (warden) тюремных корридоров (sections) тоже отдыхали или читали газеты, соблюдая обычную воскресную послеобеденную сиесту. По воскресеньям «гости» Снаг-Сингской «гостиницы» обедают ровно в час пополудни, вслед за окончанием богослужения в тюремной церкви. В такие дни заключенным подается обед по особому меню: вкусный суп, ростбиф (cornbeef) с вареною кочанною капустой, белый хлеб и mince pie.⁴ При этом гостям дается в волю пить неизбежную в Американской республике воду со льдом (ice water). После обеда молчаливый клерк-библиотекарь тюрьмы с помощью сторожей раздает по кельям газеты, журналы и душеспасительные книги и брошюрки. Последние поставляются тысячами экземпляров бесплатно от имени разных благотворительных обществ в Нью-Йорке, Бостоне и Филадельфии.

Погруженный в думы и всегда сосредоточенный, мистер Эльстон ходил взад и вперед по своей конторе (office), единственным его развлечением в такие минуты была привычка постоянно разглаживать бороду, придававшая ему особенно внушительный вид, характеризующий вообще людей неразговорчивых. Про мистера Эльстона можно смело сказать что он мало говорил и то только что нужно. Уединенная жизнь в тюрьме и ответственная должность инспектора в течение двадцати пяти лет (до назначения инспектором тюрьмы мистер Эльстон занимал должность тюремного суб-инспектора, который обязан дежурить ночью) наложили особенную печать на лицо и фигуру статного Американца, который, как говорится, поседел на службе в этих мрачных стенах.

⁴ Сладкий пирог из рубленого мяса, слив и изюма.

С телефонного аппарата раздался сигнальный звонок; мистер Эльстон подошел не спеша к аппарату и приложил трубку к уху.

– Хорошо. Приходите сейчас, так как уже более половины третьего, ответил инспектор, замыкая аппарат.

Отойдя от телефона инспектор тюрьмы снова уселся за письменный стол, который был завален бумагами, папками, книгами, брошюрами и газетами. Мистер Эльстон взял газету *Tribune* и стал бегло скользить глазами по столбцам популярной газеты. В этом органе интеллигентных республиканцев, известный публицист Союза, Орас Грили, весьма часто восставал против той системы молчания которая практиковалась в Синг-Синге. Но статьи этого ученого публициста не могли убедить правительство в том что оно действовало в этом случае «не согласно с гуманными веяниями века» и т. д. в этом духе. Чтение однако не развлекло мистера Эльстона, который слегка, скомкав свою любимую газету, положил ее обратно на то место где всегда лежали произведения ежедневной печати Нью-Йорка. Какое-то особенное возбуждение, хотя и не сильное, волновало душу или вернее строй мыслей почтенного чиновника.

Шаги за дверьми заставили инспектора встрепетаться. В комнату вошел худощавый джентльмен с бледным лицом; одет был весьма изящно; на лице красовались небольшие усы; на вид ему было лет за тридцать. Это был казначей-бухгалтер тюрьмы, мистер Питер ван-Шайк; он держал в руке небольшой ящичек белого дерева, на крышечке которого был наклеен ярлык с надписью: *Чарлз Локвуд Мортон, № 36. Вступил и записан по слесарному отделу 16 июля 1862, в воскресенье, в 6 часов 18 минут пополудни. При вступлении записано на сохранение собственных наличными: четырнадцать долларов сорок восемь центов. Заработано с декабря 1862 года по первое июля 1882 года: восемьсот пятьдесят четыре доллара и двадцать четыре цента. Всего по книге 1, лит. М, налицо в кассе по счету Ч. Л. Мортон: 868 долларов и 72 цента.*

– Здравствуйтесь, полковник! приветствовал казначей мистера Эльстона, который молча протянул ван-Шайку руку.

– Велика ли казна № 36? спросил инспектор, бросив вскользь взгляд на белый ящичек. – Ого! кругленькая сумма! Это меня радует, теперь я спокоен и знаю что *тридцать шестому* будет с чего начать когда он выйдет отсюда и бросится стремглав в людскую толпу.

– Хороший был работник и, к счастью своему, весьма редко болел.

– Да, № 36 был один из самых образцовых гостей, как-то задумчиво проговорил инспектор.

– Интересно будет посмотреть, как на него повлияет весть об освобождении, оживленно заметил мистер ван-Шайк, ставя «казну № 36» на стол инспектора.

– Потерпите и увидите, сухо отрезал инспектор.

Стенные часы громко и протяжно пробили три раза.

– Пока присяду! сказал казначей, придвинув к столу небольшой, но массивный стул с широкою спинкой и вычурно вырезанным рисунком. Инспектор углубился в свои бумаги. Потомок голландских пионеров-сеттлеров из *Никкербокерских*⁵ семейств, ван-Шайк только что взялся за какую-то книгу как двери инспекторской конторы отворились и чрез широкий порог переступили двое мужчин. Один из них был пристав Логан. Казначей с любопытством окинул взором второго вошедшего который был на голову выше инспектора, казначея и Логана, и полосатую фигурой своей как-то разом напоминал зебру и клоуна из цирка. На нем был обыкновенный костюм каторжника, состоящий из куртки-жакетки и широких панталон сероватого белого сукна и полотна с широкими коричневыми полосами поперек тела и конечностей; ноги его были обуты в желтые туфли (slippers) на толстых бумажных подошвах. Войдя в комнату

⁵ Так называются потомки кровных Голландцев.

каторжник молча стал недалеко от притолки. Логан молча указал его инспектору. Тот подошел к своему «гостю» и протянул ему руку со словами:

– Мортон, поздравляю вас, сегодня вы свободны, и согласно правилам можете оставить этот дом в шесть часов.

– Благодарю вас, *cornel* (сокращение от слова *colonel*, полковник), ответил коротко и каким-то глухим баритоном Мортон или «гость» № 36.

– Имеете ли вы что-либо сказать пред выходом, надеюсь *навсегда*, из этого дома? спросил инспектор.

– Нет. Впрочем извините: нет ли мне письма? спросил Мортон.

Инспектор посмотрел на Логана, который быстро и громко ответил:

– Нет!

По лицу освобожденного каторжника пробежала какая-то грустная тень.

– Вы кажется холостой? спросил инспектор.

– Да, полковник, но у меня *была* мать... От неё ждал.

Тяжелый вздох вырвался из груди «гостя» Синг-Сингской гостиницы.

Лицо инспектора стало еще суровее и задумчивее.

– Согласно моим обязанностям, я, казначей ван-Шайк, должен вручить вам, мистер Мортон... Чарлз Локвуд Мортон, ту сумму денег которую вы заработали *здесь* честным трудом слесаря, обратился ван-Шайк к Мортону.

– Благодарю вас, сэр!

– Вот, в этом ящике хранятся счета и ваш *бон*. Пересчитайте и подпишите *бон*, то-есть констатируйте факт что вы получили из казначейства причитающиеся вам деньги.

Ван-Шайк передал ящичек Мортону.

– Сядьте за стол и сосчитайте деньги, пригласил его Эльстон, указывая на свое кресло. Моруон молча взял из рук казначея ящичек, медленно подошел к столу, поставил ящичек и стоя нагнулся.

– Не стесняйтесь, Мортон, садитесь! отозвался громко инспектор.

– Садитесь же, если господин инспектор вас приглашает сесть, заметил Логан, придвигая кресло поближе к мощной фигуре освобожденного обитателя «Крепкого места».

– Благодарю вас, полковник.

С этими словами Мортон грузно присел в мягкое кресло, и отодвинув крышечку ящика вынул оттуда сперва пачку счетов, а потом большой конверт с деньгами.

– В заработном вашем *боне* не вписаны те 14 долларов и 48 центов которые вы имели при себе когда приехали в Синг-Синг, пояснил казначей тюрьмы. – По *бону* вы получаете 854 доллара и 24 цента. Сосчитайте! Что касается *ваших* собственных денег, то они лежат на дне ящика в сафьянном кошельке.

– Так точно, отозвался Мортон, бегло рассматривая счета и *бон*. – Все верно, полагаю; к чему считать? отозвался он, привстав с кресла.

– Нет, уж потрудитесь сосчитать, этого требуют порядок и правила, сказал ван-Шайк.

Мортон уселся снова и стал перебирать делозитки. Инспектор что-то тихо говорил Логану, а ван-Шайк следил за неуверенным движением правой руки «гостя».

– Сбился! сказал громче обыкновенного Мортон. – Сделайте мне одолжение, господин казначей, сосчитайте сами; я пасс!

– Почему же у вас не клеится? спросил с улыбкой ван-Шайк.

– Отвык.

– О! это другое дело, ну, давайте я вам помогу!

Ван-Шайк нагнулся и стал ловко перебирать пальцами депозитки союзного казначейства. «Вот, вам сотня!» После паузы: «Вот вам две!» и т. д.

– Ну, теперь вы убедились что вы заработали 854 доллара;

- Благодарю вас за хлопоты.
- Подпишите бон.
- Что писать?

Логан подошел и дал Мортону перо.

– Пишите: «Сего 16 июля 1882 года, я, Чарлз Локвуд Мортон получил сполна 868 долларов и 72 цента из казначейства» вот и все, а потом скрепите все это подписью под общим итогом *бона*.

Мортон взял перо и дрожащим, крайне неразборчивым почерком написал то что ему диктовал казначей.

– Ну, вот теперь я больше вас беспокоить не буду. Мои счета с вами кончены, мистер Мортон. Прощайте, желаю вам всего хорошего и будьте счастливы.

Ван-Шайк протянул руку Мортону, который наклонив голову молча пожал руку тюремного казначея. Ван-Шайк, забрав *бон* подписанный рукой Мортон, обратился к инспектору со словами:

– До свиданья! Сегодня я отправляюсь на рыбную ловлю. Мортон, вы можете ваять ящичек, только не забудьте сорвать ярлык, а то знаете не ловко.

По уходе ван-Шайка мистер Эльстон обратился к Логану:

- Вы велели приготовить платье мистера Мортон?
- Оно уже готово внизу в гардеробной.
- Ступайте и посмотрите чтоб оно было хорошенько вычищено.

Пристав вышел. Инспектор и его бывший «гость», № 36, остались вдвоем. Мортон, держа ящичек в обеих руках, стоял неподвижно у стола.

- Куда вы намерены отправиться отсюда? опросил Эльстон.
 - Не знаю, полковник, полагаю *надо* будет в Нью-Йорк.
 - Садитесь и потолкуемте пока вас позовут одеваться.
- Эльотон указал на стул. Мортон сел и поставил ящичек на колени.
- У вас есть родные?
 - Были.
 - Вы упоминали недавно о матери... где она?
 - Не знаю.

Мортон провел рукой по коротко остриженной голове и добавил. – Думаю что моя старушка скончалась.

- Почему вы это полагаете?
- В прежние годы получал по два по три письма в год.
- Когда она писала в последний раз?
- В 1879, из Чикого, откуда я родом.

Мортон вздохнул и начал водить пальцем по ярлыку на ящичке.

Инспектор понурился, глядя бороду.

- Вам теперь сколько лет? спросил после паузы Эльстон.
- В октябре будет сорок два.
- Что же вы намерены делать?

– Работать.

– Это хорошее дело, Мортон. Вы хороший слесарь и можете на свободе заработать много денег. Нынче слесарям платят по 4 и 5 долларов в сутки.

– Хорошие деньги, полковник, с некоторым изумлением выговорил Мортон.

– Да, не то что было лет 15-20 тому назад.

– Боюсь, не сумею угодить нынешним мастерам.

– Вы, мой друг, постарайтесь прежде приглядеться как нынче работают, а там, полагаю, и вы лицом в грязь не ударите.

– Увижу, я признаться работать не трус.

– Это вы доказали у нас, Мортон; ну, а *там* за этими стенами работается легче и отраднее.

Я от души рад что вы не унываете как другие; те часто боятся возвращаться к людям.

– И я боюсь, полковник.

– Чего?

– Страшно затесаться в толпу, чувствуя себя все еще одиноким.

Мортон встал.

– Большое воображение! Почему же вы полагаете что вы будете одиноким на свободе?

– Объяснить не могу, но чувствую... Отвык. Скажите, что у меня теперь общего с людьми?

Мортон поставил ящичек на стул перед собою.

– Все что дается свободному гражданину.

– Но не такому, полковник.

Мортон обвел глазами свой полосатый костюм, и закрыв руками лицо, отвернулся к шкафу.

Эльстон встал и подошел к нему.

– Мужайтесь, Мортон; не забудьте что Провидение сегодня дает вам случай снова занять то место какое подобает Американцу. Не забудьте также что Небо особенно благоволило к вам сохранив вашу жизнь для новой борьбы с судьбой, и я уверен что вы будете бороться честно, чтоб отвоевать назад потерянное здесь у нас.

Эльстон положил свою руку на плечо Мортон, и слегка повернув его, повел своего «гостя» к стулу.

– Садитесь и успокойтесь.

Мортон сел как беспомощный ребенок, сложив руки на колени, и погрузился в какую-то апатию. Слезы на его гладко-выбритом лице серо-оливкого⁶ цвета быстро высохли. Инспектор подошел к небольшому шкафчику близь камина и вынул оттуда бутылку с ярлыком «old dry sherry»; налив стакан, он подошел к Мортону.

– Вылейте вина; оно вас подкрепит.

Мортон поднял голову и вперил свой искрящийся влажный взор на сострадательного тюремного чиновника.

– Как вы добры, полковник! Ваше здоровье!

Он взял стакан и залпом выпил темно-янтарную влагу, выпрямился и протянул руку Эльстону.

– Не за что, мой друг, не хотите ли еще стаканчик?

– Нет... нет! благодарю вас!

Мортон схватился левою рукой за голову.

– Что с вами?

– Ничего... вино должно-быть... голова точно в тисках...

– Пройдет! это с непривычки. Да и где вам было привыкать к старому хересу если вы в течение двадцати лет пили воду со льдом!

Вернувшийся Логан доложил что все готово.

– Ну, Мортон, пора; вы можете теперь идти одеваться, сказал Эльстон, наливая себе вина.

Мортон вскочил и выпрямился во весь рост.

– Пора, говорите?

Он приблизился к инспектору и протянул ему руку; в левой держал он ящичек.

– Благодарю, прощайте!

⁶ Обычный цвет лица ветеранов-каторжников Sing-Sing'a.

– Прощайте *навсегда!* отозвался Эльстон, крепко пожимая руку Мортон. – Логан, проводите Мортон в гардеробную, пока я подпишу отпускной лист.

Листы эти называются у каторжников *билетами свободы*.

– Ну, пойдёмте, я вам приготовил костюм получше этого, отозвался Логан.

Эльстон начал перебирать бумаги на столе. Стенные часы пробили пять. Мортон сильно вздрогнул, подумав: «Боже! в это время, двадцать лет тому назад, я под конвоем въезжал в ворота этого дома». Его трясло точно в лихорадке. Бросив благодарный взгляд на инспектора, он быстро направился к дверям, но на пороге обернулся и громко проговорил:

– Боже вас благослови, полковник!

Эльстон обернулся в свою очередь:

– Ну, теперь совсем; отпускной лист подписан; Мортон, вы свободны. Спаси вас Господь. Мортон с сияющей улыбкой скрылся за дверями.

Инспектор позвонил. В комнату вошел сторож.

– Пайкс, отнесите этот пропуск куда следует и скажите Логану чтоб он проводил отпущенного до реки; если же тот *сам* этого не захочет, то оставьте его.

Когда сторож ушел, инспектор взялся за *Tribune*, закурил сигару и погрузился в чтение. Кругом господствовала по-прежнему тишина. Знали ли десять каторжников из тысячи что в эту минуту «гость» № 36 оставлял навсегда «Дом вечного молчания»? Едва ли.

По выпуске каждого «гостя» приемщик (Entry Clerc) на другой день раскрывает громадную бухгалтерскую книгу живого каторжного инвентаря тюрьмы и по алфавиту разыскивает фамилию выбывшего. Найдя страницу и сверив пропускной лист и другие документы, клерк в особой графе отмечает что такой-то или такая-то под соответственными номерами «*выбыли после срока*»; а в случае смерти клерк красными чернилами пишет лишь одно слово: «умер» или «умерла». Кроме этой главной книги, канцелярия тюрьмы имеет особые *журналы*, в которых аккуратно ведется точно в пансионе летопись нравственности и бюллетень поведения каждого узника. Баллов в тюрьме не ставят, но есть своего рода отметки в виде знаков, известное сочетание букв латинского алфавита. В календарь наказаний вносятся все проступки каторжника против тюремных установлений, а также его поведение в течение каждого месяца. Материал для этой курьезной бухгалтерии, дебета и кредита синг-сингских «гостей», доставляют ежедневные рапорты тюремных приставов и старших сторожей в различных этажах и корридорах. Затем есть еще «Санитарный дневник», куда вносятся разные болезни и недуги каторжников-пациентов, пользующихся рачительным уходом в образцовой тюремной больнице.

III. На могиле Индийца

Был чудный летний вечер. Дневная жара спала, и на большой дороге царствовала тишина. Гудзон тихо протекал у подножия горы в яркой и сочной зелени берегов. Эти берега и гору обливало багровыми лучами заходящее солнце, и вся местность казалась покрытою прозрачным розоватым флером. Роскошная растительность сияла изумрудно золотистым отливом. Легкий, прохладный ветерок, поднявшись с широкой реки, освежал всю окрестность, нежно колыша зеленое море растительности вдоль холмистых кручей. Мириады блестящих мошек и целые тучки назойливых москитов резвились и напевали свои однозвучные песни в тихом поднебесном пространстве. Гудзон величаво тянулся атласною темносинею лентой, теряясь в туманной дали... Все в природе казалось утопало в какой-то истоме, пташки и те замолкли, и над зеркальной поверхностью реки изредка неслись в погоне за вечернею добычей лишь крикливые чайки.

Обогнув по извилистой тропинке гору и оставив за собою мрачную возвышенность на которой расположена тюрьма Синг-Синг, путник должен непременно выйти на большую дорогу ведущую на юг к Нью-Йорку. Дорога плотно прилегает к реке, ширина которой здесь достигает четырех миль. На пути к американскому Вавилону, к «царственному граду», немного в стороне от большой дороги навалена большая груда крупно разбитых камней, которую огибают нисенькая, серая, деревянная решетка с удобными дерновыми скамьями для прохожих. Предание говорит что под этою грудой мшистых камней сквозь которые местами пробивается мелкая мохнатая зелень, похоронен славный вождь и краснокожий воин племени Ирокезов по имени *Аколатох* (могучий человек), *первым* падший в битве с Англичанами в 1609 году. В том же году знаменитый английский мореплаватель Генри Гудзон предпринял путешествие с целью открыть *исток* реки получившей его имя. Оригинальная, без малого трехсотлетняя могила краснокожего вождя служит теперь местом отдыха для тех кто *pedibus* предпринимает прогулку из Нью-Йорка с целью осмотреть живописную местность и знаменитое здание «Крепкого места». В конце прошлого столетия и в начале нынешнего все обозы ходившие по торговому тракту в Нью-Йорк стягивались на ночь к могиле Индийца для привада. После отдыха обозных людей, как-то: фермеров, кустарей, эмигрантов-рабочих, пастухов или вернее погонщиков (*cattleboys*) и обозных лошадей, на заре весь караван отправлялся в Нью-Йорк. Так было до 1818 года. Позже, когда местность около могилы Индийца заселилась и не вдалеке пролегла большая шоссезная дорога, обозы, минуя излюбленную стоянку, разбивали бивуак на ночь у подножия небольшой горы Синг-Синг-Гилла, над которою теперь тянется главная арка большего водопровода. Чудные вековые ольхи, которые некогда покрывали своею тенью могилу Аколатоха, давно уже срублены *сеттлерами* этого райского уголка в первые годы вашего практического века. Срубленные деревья пошли на дрова или на материал для какого-нибудь блокауза. Из нескольких десятков сеттлеры пощадили одну молодую ольху, которая потом лет десять еще украшала могилу Индийца. Буря сломила и это дерево. В пятидесятых годах, шоссежные рабочие и каменщики вздумали огородить могилу деревянною решеткой, снабдили ее дерновыми скамьями и покрыли их тонкими, гладко-выстроганными досками, безо всякой окраски. Теперь доски эти окрашиваются в самые яркие цвета, что конечно не гармонирует с мрачным фоном могильной груды.

По воскресеньям, когда благочестивые фермеры, их работники, а также и местные дачные жители стряхивают с себя будничную суету, могила Индийца посещалась массой людей, которые любовались оттуда прелестною панорамой вдоль обоих берегов Гудзона. Многие из этих туристов, фланируя по берегу, шли потом освежаться и подкрепляться в таверну Джо Сниффа, местного ресторатора и буфетчика (*barkeeper*). Таверна Сниффа носит громкое название «отеля», а вычурная вывеска, украшенная женскою фигурой под пальмовым дере-

вом с одной стороны, бильярдом, киями и шарами с другой, снабжена оригинальной надписью *Счастье и отдохновение прохожого*. Для характеристики самого хозяина таверны, Джо Сниффа, можно прибавить что он когда-то *отсидел* пять лет в другом, не собственном, а Синг-Сингском отеле, и по выходе оттуда, не долго думая, взял да и открыл это заведение куда нередко хаживали нижние административные чины «Крепкого места». Таким образом бывший каторжник Снифф сделался самым популярным трактирщиком между Нью-Йорком и Синг-Гиллом. Таверна Сниффа имела то удобство что содержатель её устроил в своем «отеле» пять-шесть коморок, которые отдавались в наем для ночлежников. Здесь нередко ночевали по пути в Нью-Йорк только-что выпущенные на свободу «гости» Синг-Сингского «отеля». Сметливый и опытный Снифф всегда узнавал их среди своей трактирной толпы, во узнавая кого-либо из «гостей» Синг-Синга особым нюхом или инстинктивно, Снифф никогда не подавал виду что открыл естественное инкогнито того или другого не в меру молчаливого ночлежника. Подобных гостей Снифф никогда не обсчитывал, а напротив был с ними очень любезен и внимателен. Молва о добродушии и деликатности Сниффа, разумеется, проникла сквозь массивные стены тюрьмы, так что большинство бывших обывателей «Крепкого места» считали как бы долгом погостить сперва у «молодчины Джо», а потом уже направляли свои столы к Нью-Йорку чтоб в шумном водовороте американского Вавилона начать другую честную жизнь или снова погрузиться в темную деятельность преступника-рецидивиста. «Молодчина Джо» терпеть не мог рецидивистов, и как-только являлся таковой под кровлей «Счастья и отдохновения прохожого», деликатный и добродушный хозяин сухо заявлял что все «апартаменты отеля» заняты. В душе добрый малый не мало гордился тем что не сделался рецидивистом и что Небо охранило его от дальнейших преступлений, несмотря на то что Джо Снифф когда-то подавал большие надежды в этом направлении. В тот день когда из Синг-Синга был выпущен после двадцатилетнего заточения Чарлз Мортон, в таверне Сниффа, как говорится, не было ни одной кошки, а случилось это потому что все население Синг-Гилла и его окрестные дачники находились в открытом поле Ионкерс-плез, где в этот день и вечер собрались «лагерем методистские паломники», которые ежегодно летом сходились на равнине Уонкерс-плез со всех концов Нью-Йоркского штата обсуждать дела и молиться громадной толпой, иногда толпой до двадцати и более тысяч паломников обоого пола, кроме детей. Лагерь богомольцев был расположен на расстоянии пяти миль от таверны Сниффа, из нисеньких окон которой можно было видеть могилу Индийца. Не более ста сажен отделяли могилу от трактира «молодчины Джо». Митинг методистов был назначен с 4 часов дня до полуночи, а в полночь начиналось ночное бдение.

В июле сумерки начинаются довольно поздно, а потому, несмотря на то что на башенных часах тюрьмы глухо прозвучали восемь ударов, мрак еще не овладел местностью хотя солнце уже садилось.

На одной из торфяных скамеек могилы славного индийского вождя примостился человек геркулесовского телосложения, лет сорока. Он сидел неподвижно, слегка понуриив обнаженную голову. Мощные и почти черные руки покоились на коленях. Казалось, незнакомец был погружен в сон или в глубокое раздумье. Рядом с ним на траве лежала широкополая полярковая шляпа темнокоричневого, сильно полинявшего цвета, а рядом со шляпой на полулисте газетной бумаги лежали: большой ломоть полубелого хлеба, кусок солонины, три большие уродливо-продолговатые картофелины в мундире и половина сладкого пирога. Неподвижная фигура незнакомца вполне гармонировала с необыкновенною тишиной и мрачным пейзажем «могилы Индийца». Вечерняя прохлада, пение москитов и чуть слышный шелест листьев должно-быть убаюкали или убаюкивали усталого пешехода. Но вот, среди затишья и первых и едва заметных теней вечернего сумрака, раздался с реки протяжный свисток трехдечного парохода или canal-steamer'a, который своими громадными белыми колесами рассекал тихия воды красавца-Гудзона, оставляя позади широкую кипящую белую борозду. Пена, достигнув ниж-

ней линии немного покатога противоположного берега, омывала зеленую бархатную почву. Пароход этот был так-называемый excursion-steamer, возивший только по воскресным дням на «морскую прогулку» по Гудзону несколько тысяч жителей Нью-Йорка, желающих подышать свежим воздухом и полюбоваться прелестною панорамой реки вплоть дотсамого Альбани. Хорошее расположение духа нью-йоркских туристов нарушалось лишь когда пароход быстро и на всех парах пролетал мимо мрачных, серых стен тюрьмы Синг-Синга. Капитаны подобных пароходов нарочно мчатся быстрее, хорошо зная что Нью-Йоркцы обоего пола не любят этой местности, тем более что здание тюрьмы с его прочими «видами» давно уже знакомы всем таким туристам из «царственного града». Пароход, носивший поэтическое название *Девы роз*, спешил к пристани, которая утопала в зелени на противоположном берегу Гудзона в одной миле от «тюремной горы» или Маунт-Плизента. Громкий свисток нарушил не только тишину вокруг могилы Индийца, но и покой сидевшего на могильной скамье. Незнакомец поднял голову, глаза его вперились в быстро мчавшийся пароход, на палубе которого виднелась пестрая многочисленная толпа. Еще несколько минут созерцания, и *Дева роз* скрылась со своими огромными двумя трубами и пестрыми флагами в зелени украшавшей возвышенный холмистый край берега...

Оригинальна была наружность этого человека: гладко-выбритое, худощавое, с резкими правильными чертами, спокойное лицо было серовато-коричневого цвета, со впалыми большими черными глазами, которые под густыми сросшимися бровями горели лихорадочным огнем. Тонкие и сжатые губы, прямой большой нос с небольшим горбиком и красивый, хотя островатый подбородок придавали этому лицу особенное как бы застывшее выражение. Ни одна черта, ни одна морщинка не двигалась на лице этого апатичного с виду человека. Когда на реке замер шум умчавшагося парохода, незнакомец, заложив руки в карманы брюк, устремил свой взор на волны и опять остался неподвижным. Ничто, по-видимому, не интересовало этого странного субъекта. Лицо его, точно вылитое из металла или изваянное из темноцветного мрамора, отнюдь не гармонировало с его мощною богатырскою фигурой, облаченною в весьма пестрый наряд. На прохожем был узкий жакет из пестрого волокнистого драпа с короткими не по росту рукавами и старомодного покроя, к которому нынешние портные не прибегают. Полинявший драп, с которого сошел почти весь волокнистый ворс, был местами съеден молью, судя по рядам узорчатых крошечных дырочек на руках, плечах и груди. Большие светлые роговые пуговицы украшали борта. Таких уродливых пуговиц нынче тоже не пришивают ни к какому мужскому платью. Крупные ноги незнакомца были обуты в огромные башмаки с толстыми подошвами, зашнурованные черными кожаными шнурками. Две подковы были приделаны к широким и низким каблукам. Подобные башмаки были в большой моде лет двадцать пять тому назад и назывались ирландскими. Сельское население Ирландии и по сие время носит их. Узкие и тоже не в меру коротенькие серые с синими крапинками панталоны дополняли туалет. Весь этот потертый и необычно старомодный костюм обличал шитье отнюдь не по заказу владельца. Безукоризненна была лишь сорочка; снежной белизны ненакрахмаленный широкий отложной воротник виднелся из-за бархатной потертой жилетки без признака какого-нибудь галстука или повязки. Из бокового левого наружного кармана в жакете торчал кончик белого носового платка с сине-красною широкою каймой.

На реке слышались голоса и пение, то были дачники совершавшие обычную вечернюю прогулку в лодках по Гудзону. Голоса и пение, по-видимому, дошли до слуха незнакомца, который выпрямился во весь рост, и вынув правую руку из кармана, вытащил оттуда свернутый *веревочкой* прессованный табак, отвернул твердый конец свертка, быстро откусил кусочек и вложил его за левую щеку. Стиснув раза два зубами жвачку, он скоро впал в свое прежнее раздумье, тяжело прислонясь широкою спиной на решетку «могилы Индийца».

О чем думал этот человек? Он думал о многом, несмотря на совершенно пассивную наружность. Человек этот внутренне переживал странные минуты, ощущая то чего до этой

поры никогда еще не ощущал. Читатель конечно узнал в нем бывшего «гостя» № 36 Синг-Сингской гостиницы, Чарлза Мортон, который в этот день только-что вышел на волю из «Дома вечного молчания».

Простившись с добрым инспектором тюрьмы, Мортон отправился с приставом Логаном в то помещение где *обмундировывались* вновь поступающие преступники-обыватели «Крепкого места». Тут же в смежной небольшой чистенькой комнате одевались в «свою одежду» все *на волю* выходящие экс-«гости» Синг-Сингского «отеля».

Комната эта была известна в среде отпущенников под характерным названием *Выход на волю*. Здесь-то Мортон получил обратно свое собственное платье, то самое которое украшало его грешное тело в первый ужасный момент его прибытия в тюрьму. В этом старомодном костюме Мортон двадцать лет тому назад выслушал суровый приговор главного судьи верховного суда в Нью-Йорке.

Придя в сопровождении Логана в гардеробную тюрьмы, Мортон предварительно сдал клерку свой тюремный костюм каторжника первого разряда, так как преступники приговоренные к 20-25 летнему заточению считаются наравне с приговоренными к пожизненной каторге. Сняв полосатую тюремную ливрею, Мортон взял холодную ванну, а затем, получив чистое новое белье, облачился в собственное платье, которое согласно правилам хранится в особом гардеробном отделении под тем или другим номером и ярлыком с именем и фамилией поступившего обывателя «Крепкого места». Омовению подвергаются также и прибывающие «гости» синг-сингского отеля. Каторжники прозвали это купанье «крестинами злой ведьмы Каторги». Летом купанье происходит в больших чанах наполненных холодной водой, а зимой – теплой. Одевшись на скорую руку (в присутствии Логана, клерка гардеробного отделения и истопника, который наливал воду в чан) и расписавшись в том что получил сполна свою вольную одежду, Мортон отправился с Логаном в главную приемную комнату тюрьмы, где его ожидал с отпускным листом другой клерк. Взяв свои пожитки, Мортон захватил с собою заранее приготовленный сверток с ужином который согласно обычаю вручается каждому отпускаемому на волю «гостю» тюрьмы. Кто не пожелает воспользоваться этою последнею любезностью и хлебосольством тюремного начальства, тот понятно не обязан брать с собою завтрака, обеда или ужина (смотря по тому в какое время «гость» покидает тюрьму). Но бывшие каторжники почти все без исключения любят брать эти свертки, так как есть поверье что отказавшийся от тюремного хлеба-соли неминуемо и вскоре вкусить ее. При выпуске, каждому из отпущенных на волю дается новое белье из беленого, достаточно тонкого полотна, но сорочки выдаются не крахмаленные.

Получив из рук главного клерка драгоценный отпускной лист (ticket of leave), Мортон со своим проводником прошел большим двором к тому массивному зданию где помещался главный выход из тюрьмы; над этим зданием красуется небольшая «сторожевая башня» с часами. Войдя в просторные сени тюрьмы, Мортон молча предъявил по указанию проводника свой отпускной лист сержанту, который, задрал на голову кепи, сидел в громадном кожаном кресле, положив для удобства ноги на большой письменный стол. Сержант курил огромную сигару из дешевого гаванского табаку, известного в Штатах под названием «plantation tobacco». Мрачный с виду, старый рубака, с длинными седыми усами à la генерал Кустер⁷, взяв небольшой лист из рук Мортон, лрбежал внимательно содержание этого документа, пристально посмотрел на Мортон и спросил его густым басом:

- Ваше имя и фамилия, сэръ?
- Чарлз Локвуд Мортон.
- Откуда?
- Из Чикого.

⁷ Лихой и храбрый генерал-кавалерист этот был убит недавно в стычке с Индийцами.

- Лета?
- Сорок второй год.
- All right!

Сержант встал, подошел к другому столу в виде небольшого пюпитра, открыл громадную книгу в кожаном коричневом переплете с медною отделкой по углам, перелистовал несколько страниц, хлопнул ладонью по книге и сказал:

- Распишитесь под этою графой, вот и перо.

Сержант передал Мортону толстую черную ручку со стальным широким пером. Мортон взял перо, взглянул за объемистую разграфленную книгу и спросил:

- Что следует писать, сержанть?

– Слушайте, я вам продиктую; пишите здесь... да, вот тут: *Я нижеподписавшийся, Чарлз Локвуд, гражданин Штатов, по профессии механик, родом из Чикого, сорока двух лет, дал сию расписку в том что я, будучи водворен согласно, правильному приговору суда и по правилам всех параграфов уголовно-тюремного закона Республики на жительство в тюрьме Штата Нью-Йорк, на срок до двадцати лет, по истечении этого срока, сего 16 Июля 1882 года, в шесть часов пополудни, вручив законный отпускной документ кому следует, получил себя в полной физической целости, в исправности моих умственных способностей и в полном сознании, что я действительно представляю собою то лицо которое получило полную гражданскую свободу и легальный выпуск из вышеозначенной тюрьмы...* Написали? спросил сержант, пуская большой клуб дыма в потолок.

- Написал, ответил дрожащим голосом Мортон, по-видимому несколько изумившийся.
- All right! Покажите-ка, что вы нацарапали?

Сержант подошел к пюпитру и внимательно скользил взором по тем строкам где красовался крупный, неуклюжий и неровный почерк Мортонна.

– Ну уж и каракули, сэр, видно что вы немного отвыкли владеть пером. Вы чем занимались у нас?

- Я работал в кузнице и в слесарной.

– *By Jove!* теперь мне понятно что вы не в состоянии писать как писарь у нотариуса, тем не менее все в порядке и я вполне могу разобрать что вы нарисовали; ну, а этого более чем достаточно для нашей канцелярии. Теперь, сэр, потрудитесь скрепить эту расписку вашею полною подписью.

Мортон дрожащею рукой подписал свои два имени и фамилию.

– All right! Прекрасно, ну, все формальности исполнены; теперь вы вполне свободны и можете идти на все четыре стороны.

- Благодарю, сержант.

– Не за что, сэр! сухо отрезал служака, бросив из-подлобья и из-за густых щетинистых бровей беглый взгляд на величавую фигуру Мортонна. «Этакий молодчина!» подумал сержант: «Только подобные колоссы... великаны, могут выдерживать каторгу в течение двадцати лет.»

Мортон надел на голову широкополую шляпу, *получил самого себя*, отошел от стола и обратился к своему приставу со словами:

- Прощайте, мистер Логан!

– Не торопитесь, сэр, обратился сержант к Мортону, который обернувшись посмотрел с удивлением на старого воина и, так-сказать, коменданта небольшого караульного отряда тюремных часовых (prison-guards), – куда вам спешить? продолжал сержант, – дело идет к вечеру, вы быть-может затрудняетесь в ночлеге; если так, то вы можете переночевать в белой комнате, при карауле, а завтра утром и двинетесь в путь со свежими силами.

Мортон вопросительно посмотрел на Лотана, который добродушно улыбаясь сказал:

– Нет, уж не приглашайте мистера Мортон, сержант, хотя это с вашей стороны весьма любезно; я уверен что Мортон не из тех кто решился бы провести еще одну ночь в нашем отеле. Так, мистер Мортон?

– Да. Позвольте вас поблагодарит за внимание, сержант, я уж лучше пойду.

– Ну, как хотите, я свое дело сделал, так как у нас обычай такой приютить тех из *вас* которые выходя отсюда поздно, не желают пользоваться ночлегом в таверне плуга Джо. Вы его знаете, сэр?

– Нет.

– Ну, вот когда выйдете на свободу, тогда узнаете; у молодчины Джо часто гостят *наши* гости. Прощайте, сэр, желаю вам всего хорошего, а главное, мой друг (сержант положил фамиллярно руку на плечо Мортон), постарайтесь никогда больше не расписываться у меня в книге!

– По-остараясь... прошептал заикаясь немного озадаченный Мортон.

– Верю... верю, сэр, хотя это не всегда удается, сурово заметил сержант, кивнув головой. Мортон обратился снова к Логану, взяв его за руку:

– Пристав, мы *наверно* больше с вами не увидимся, а потому, не откажите исполнить мою последнюю просьбу.

– С удовольствием; что вы желаете?

– Передайте инспектору Эльстону мой последний привет и скажите ему что я век буду помнить его. Скажите ему что Чарлз Локвуд Мортон... № 36, ценя его человеколюбие, *постарается* (Мортон взглянул на сержанта, который крутил правый ус) не возвращаться в эту тюрьму, хотя полковник Эльстон, провозжая нас грешных, не сомневается в этом.

– Не взыщите, сэр, мне семьдесят лет, из которых я тридцать провел среди каторжников, заметил сержант. – Видал я виды и меня ничем не удивишь... Так-то.

Сказав это, сержант повернулся спиной к Мортону и ушел в другую комнату небольшим корридорм. Мортон задумчиво посмотрел вслед суровому старику и застыл на месте. Логан что-то проворчал, и видя смущение Мортон, проговорил мягко и не спеша:

– Полковник Эльстон поручил мне проводить вас до большой дороги. Пойдемте!

Мортон, очнувшись, ответил хриплым голосом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.